

Хачиман POV

Я действительно не знал, что ожидал увидеть.

Но лежащий передо мной в постели, каким бы истощенным он ни был, определенно был тот человек, который спас мне жизнь.

«Привет, чувак. Ты сделал это, да? Шиш, мне пришлось играть грязно, чтобы вытащить тебя из дома. Дрочить – это хорошо и все такое, но тебе нужно время от времени выходить на улицу, понимаешь?»

Да, в этом не было никаких сомнений.

Теперь он был настолько хрупким, что было почти невозможно совместить его образ с тем, который я знал. Его когда-то спортивное тело теперь не более чем скелет. Окрашенные светлые волосы, всегда яркие и уверенные, были тусклыми и темными. И некогда красивое лицо запало.

Но ни этот взгляд, ни непобедимая улыбка нельзя было спутать ни с чем.

«Казуя...»

Я так много хотел сказать.

Я хотел плакать.

Я хотел извиниться.

Я был тем, кто сделал это с ним.

Если бы я просто поверил в его выбор с самого начала и сразу совершил бы тот прыжок, герой, который спас мне жизнь, не был бы сейчас на больничной койке.

Но прежде чем я успел сказать что-либо из этого, первым заговорил он.

Если подумать, он любил такие разговоры.

«Слушай, чувак. Избавь нас от слез и рыданий, да? Я звал тебя сюда не для того, чтобы мы вместе впали в депрессию. Я позвал тебя сюда, чтобы мы могли потусоваться и хорошо провести время».

Он потянулся к соседнему столику, схватил банку МАХ и бросил ее мне.

«У меня такое чувство, что тебе все еще нравятся это. Давай, выпьем».

Я посмотрел на него и обнаружил, что открываю банку и делаю глоток

«Наверное, ты хочешь задать мне несколько вопросов. Но моя жизнь не так уж и интересна, и я, черт возьми, ненавижу слезливые истории. Почему бы тебе вместо этого не рассказать мне, чем ты занимался? Но ты не можешь сказать мне, что эти мышцы только для галочки. Ты участвовал в каких-либо драках? Расскажи мне о них все!».

Я никогда не мог отказать ему в просьбе.

«Ну, не так много, как раньше», - сказал я, - «Но да, конечно, время от времени я сталкиваюсь с панком. Я научился драться, так что это легче».

«О? Ты научился некоторым сумасшедшим боевым искусствам? Ты умеешь делать те приемы из аниме?».

«Ненавижу перебивать тебя, чувак, но боевые искусства на самом деле не о таких ярких вещах».

«Ты разбиваешь мне сердце здесь. Следующее, что я знаю, ты скажешь мне, что лоу-кики - это действительно лучший ход».

Я задавался вопросом, говорить ли ему, что моим ударным искусством был тайский бокс, и что лоу-кики действительно были чрезвычайно мощными.

Я решил не делать этого. Лучше дать ему немного помечтать.

«Так или иначе», - сказал он, продолжая, - «Теперь ты действительно умеешь бросать руки. Но подожди: у бойцов есть цыпочки, чувак. И это должно означать... у тебя теперь есть девушка! Скажи мне: кто эта девушка?».

«Уф!».

Мои мысли мгновенно переключились на Юи, но почему-то еще и Юкино? Я покачал головой. Говорю вам, это влияние Камиширо. Разве он не был тем парнем, который познакомил меня с додзинами в первую очередь?

И, конечно же, он сразу уловил мою реакцию.

«Ага! Итак, есть девушка! Подожди, их больше одной, не так ли? Хитрый пес... ты стал настоящим героем гарема, не так ли? Гребанный засранец».

Страшно.

Он слишком хорошо разбирается в людях.

«На самом деле, я готов поспорить, что учитель, ожидающий снаружи, – это та, которой вы признались».

ВОТ ДЕРЬМО!

«Послушай мой совет, Хикигая. Откажись от нее. Ты излишне усложняешь себе жизнь. Представляешь, что люди скажут о ней, если узнают, что она встречается со студентом, который, вероятно, на десять лет моложе ее? Давай, чувак. Не заставляй ее заниматься этим дерьмом».

«Ой. Ты чертовски жесток, чувак».

«Перестань быть маленькой сучкой, Хикигая. Кроме того, ты уже ушел, не так ли? Если я что-то знаю о тебе, я бы сказал, что это не более чем переходная фаза. Ты склонен спотыкаться, немного, но, в конце концов, делай то, что тебе нужно».

Мы оба засмеялись.

«Да ладно, я здесь один говорю. Расскажи мне все! Все, что ты сделал за последний год».

Я так и сделал.

Я рассказал ему все, все, что у меня было.

Все, что произошло с тех пор, как я стал вторым курсом в Соубу.

Встреча с Заимокуза.

Желая помочь Сэнсэю.

Вступление в Клуб обслуживания.

Знакомство с Юи, Юкиношитой, Тоцукой.

Я рассказал ему о полученных нами запросах. Рисование одноразовой манги для Займокузы, обучение Тоцуки, запекание всего класса над ситуацией с рассылкой.

Я рассказал ему о том, что меня признали, и о том, как мне отказали.

Любопытно, что мы оба смеялись больше, чем плакали.

И разве я не сказал?

Одна из самых сильных сторон человечества – это способность смеяться.

К тому времени, как я рассказал ему всю историю за год, когда мы расстались, был уже вечер.

Он выглянул в окно, где на улице уже было темно.

«Ну, я думаю, здесь нам нужно расстаться, а?».

Так он сказал.

«У меня, вероятно, не будет другого шанса сказать это, и я все равно отталкивал это. Но, думаю, я просто хотел посмотреть, что ты сделал с собой с тех пор, как видел тебя в последний раз».

«Казуя...».

«Ты никогда не спрашивал меня о моей семье, не так ли? Я все время спрашивал тебя о твоей. Интересно, ты инстинктивно понимал, что это то, о чем тебе не следовало говорить? Оглядываясь назад, сколько таких препятствий я устроил между нами двумя? Ты смотрел на меня. Слишком много. И я поощрял это. В то время это было потому, что я хотел лучшего для тебя. Но, может быть, я не верил в тебя достаточно. Увидев тебя сейчас передо мной, я уверен, что у тебя все было бы хорошо, даже если бы я сказал тебе, кто я был тогда».

Я покачал головой.

Куда все это шло?

Почему он говорил так, будто ни в чем не виноват?

«Моя мать... моя семья...» – он сделал паузу, и на мгновение я увидел, как на его лице промелькнула боль, прежде чем она снова сменилась его вездесущей убежденностью, – «Нет, это не имеет значения, по крайней мере, между нами двумя. Ты зашел так далеко, поверив в

меня ... и дело сделано. Мне пора закончить это. Я уже научил тебя всему, что мог, Хикигая. Ты помнишь, что я сказал в тот момент, не так ли? Я уже дал тебе свой последний урок.

Но я никогда не проверял тебя.

Это тест. Обращать внимание. У тебя будет только один шанс на это. Так что слушай внимательно, а затем дай мне свой ответ».

Внезапно мое сердце сильно забилося.

Это был навык, которым обладал Казуя. Возможность заставить меня согласиться со всеми его играми и безумием. Но это не была игра.

Это правда, что он научил меня, помог мне стать тем, кем я был.

И в прошлый раз, когда меня это проверяли, я подвел его, подвел.

На этот раз я не мог проиграть.

Но смогу ли я добиться успеха?

Все сомнения и страхи, которые исчезли, когда я разговаривал с ним в течение дня, вернулись обратно.

Внезапно этот день снова наступил, и я снова изо всех сил пытался удержать Казую, когда он собирался упасть.

И снова на его лице была та же неразрывная улыбка, совершенно не обеспокоенная собственным затруднительным положением.

«Хорошо, слушай внимательно. Ты верил в человека. Слушал все, что он говорил. Пытался выучить все, чему он тебя учил. Ты верил в него. И он научил тебя быть «гедонистом». Вы действительно не понимали, что это значит. И поэтому, когда вы чувствовали, что потерпели неудачу, единственное, на что вам приходилось прибегать, это ваше недооцененное воспоминание о кучке идеалов, которых вы на самом деле не получали. Итак, вы были сбиты с толку. Предполагалось, что вы будете жить для развлечения. Но вы почувствовали себя живым только тогда, когда помогали другим? Неужели это действительно гедонист? Или идеал, в который вы верили, был таким поверхностным? мелкий, что вы помогали другим в поисках одобрения? Выживали, как вампир, на чужой энергии?

Итак, вот вопрос, Хикигая. Что вообще для вас гедонизм?

И не дайте мне ответа, полученного от Google или какого-то философа, который умер сто лет назад и не имеет ничего общего ни с вами, ни со мной».

Вот и все.

Тот, кто сделал меня тем, кем я был, теперь бросал мне вызов. Бросить вызов самим основам, которые я считал само собой разумеющимся.

Я не совсем понял.

Да, он был прав.

Я не могу поверить, что когда-либо думал, что моя недолговечная имитация Кадзуи когда-либо произведет на него впечатление. Это все, что я делал все это время, не так ли? Ходил по сторонам, пытаюсь вести себя как задира. Пытаться говорить как он, вести себя как он, даже не понимая, откуда он.

Я все время кричал людям, какие они мелкие.

Но я был таким же мелким.

Я была просто имитацией того, кем восхищлся.

И он сразу это увидел.

Называется блеф.

С точки зрения видеоигр, это была настоящая битва с финальным боссом.

Даже превратившись в обычную тень своего прежнего «я» и обладая способностью использовать ничего, кроме слов, Казуя потребовалось всего несколько секунд, чтобы разрушить основы моей личности.

Во многих отношениях это было заслужено.

Я осудил его на то, чтобы быть запертым в этой постели, человека с безупречными идеалами, и у которого нет тела, чтобы осуществить их.

И он в ответ выставил меня тем, кем я был: кем-то с функционирующим телом, но без каких-либо идеалов.

Неужели так все закончилось?

Это было заслуженно.

Меня уничтожил человек, которого я уничтожил и подвел.

Возможно, инстинктивно я посмотрел на дверь. Сразу за ним ждали Комачи и Сэнсэй.

А где-то в Чибе были Юи и Юкиносита. Заимокуза и Тоцука.

Где-то в другом месте застряли мои родители.

И когда все их лица вспыхнули передо мной, я понял.

Я не хочу здесь умирать.

Даже если это была метафорическая смерть, я не хотел умирать.

Я не хотел, чтобы «я», которым я должен был умереть здесь, и не дожить до того, чтобы снова увидеть всех этих людей.

Я не хотел поддаваться безнадежности, отчаянию, страхам и ненависти, признавать, что все, что я делал и чем был в прошлом году, было фальшивкой.

Потому что это означало бы, что все, что у меня есть с этими людьми, тоже было фальшивкой.

Я не могу здесь проиграть.

Но если я только боролся за других, только жил для других, тогда я вообще не жил.

И тут меня осенило.

Я хотел выжить и снова всех увидеть.

Но я также хотел выжить ради себя.

Я не хотел умирать.

Я посмотрел на Казую и понял, насколько опасно близок к тому, чтобы обидеться на него.

И это заставило меня осознать, насколько искаженным было мое собственное мышление.

Финальная битва с боссом?

Казуя пытается меня уничтожить?

В этом нет никакого смысла.

Камисиро Казуя был тем человеком, который спас мне жизнь. Он был моим первым и лучшим другом.

Он никогда не причинит мне вреда.

Все это ... он прав. Все это время я пытался быть им. Черт, меня так охватило чувство вины за то, чего я даже не помнил, я тренировался только для того, чтобы быть готовым, если такая же ситуация когда-нибудь случится снова.

Но он никогда не хотел для меня этого.

Он не хотел, чтобы я застрял в прошлом, думая о том, что уже произошло, о том, что я не могу изменить.

Нет, Казуя отдал все, чтобы я стал кем-то. Кем-то.

Кем-то достойным.

Но этот кто-то не мог быть точной копией самого себя.

Он видел, что я его поворачиваю. Понял, что барахтаюсь. Вот почему он задал эти вопросы.

Так что я наконец столкнулся с самим собой.

Узнай, кто я, кто я.

Что вообще для меня гедонизм?

Это просто слепое стремление к тому, что кажется забавным в данный момент?

Нет, это не так.

Это ведет к ужасной жизни.

Помогать другим из-за какого-то чувства долга? Это альтруизм? Жить для других?

Нет, тоже нет.

Я эгоист. Даже если я делал это из чувства вины, пытаюсь быть тем парнем, которым я не был тогда, мне нравилось все, что я делал в прошлом году. Так что неправильно говорить, что это было просто из-за вины.

Я выбрал все это, потому что мне понравилось.

Мгновенное удовольствие просто повеселиться.

И глубокое удовольствие делать что-то сложное, становиться лучше.

Ничего из этого не было ложью.

Но это еще не все.

Я не видел правды, потому что прятался за этими штуками. Пытаясь спрятаться за тем, что мне нравится.

По правде говоря ... я не хочу быть один.

Вот так. Ужасно быть одному. В конце концов, это лишает вас эмоций, пока вы не перестанете даже чувствовать печаль.

Но пугает также мысль о том, чтобы подвести близких вам людей.

Их провал.

Я слишком хорошо это знал.

Я так боялся этого, что отказывался вспоминать об этом.

Но все, что я делал, это убегал.

Использование «веселья» как предлога, стены, за которой можно спрятаться, когда я пытался

игнорировать правду. Я пытался убедить себя, что могу сделать все один. Это был просто способ избежать сближения с людьми, снова избежать неудач.

И когда я стал ближе к людям в моей жизни, эти страхи снова всплыли на поверхность.

Вот почему я видел во сне все больше и больше прошлого.

Пока я, наконец, не открыл коробку и не узнал правду.

И теперь у меня был выбор.

Я мог сознательно сбежать... или остаться.

Знаете, мне говорили, что традиционный гедонизм всегда ищет удовольствия. И один из способов добиться этого – активно избегать страданий.

Но я считаю, что это чушь собачья.

Многие из вещей, которые мы любим больше всего, сопровождаются собственными страданиями.

Вы хотите быть действительно хорошим в чем-то? За это надо попотеть.

Вы хотите быть с кем-то рядом? Вы должны быть готовы к неудачам.

Кто-то, кто убегает от этой боли, этого страдания... они не настоящие гедонисты. Потому что они убегают от жизни. Убегать от вещи или человека, которого они хотят больше всего.

Чтобы остаться, снова рискнуть проиграть.

Это мой гедонизм.

Итак, пришло осознание.

Высшая сила не заключается в том, чтобы не избегать боли.

Высшая сила заключается в том, чтобы принимать боль.

Оно заключается в заботе, даже если вы знаете, что будете за это страдать. Даже если вы

знаете, что можете потерпеть неудачу.

Люди проявляют наибольшую силу, когда им небезразлично.

Живешь для себя. И одни заботятся о других. Вот когда они на высоте. Это позволяет нам снова и снова выходить за рамки наших возможностей.

Смог бы я, сбежавший от своего прошлого, делать то, что делал я?

Нет.

Я мог сделать это только потому, что где-то внутри я действительно не забыл.

Я вспомнил Казую.

Вот почему я чувствовал себя счастливым, когда был с Клубом обслуживания, со своей семьей, с моими друзьями, с людьми, которых я встречал в спортзале и додзё, даже с людьми, которых я встречал онлайн.

Делать то, что мне нравится, даже если это может быть сложно.

И заботиться о других, и пытаться помочь им, даже если я могу потерпеть неудачу, даже если я могу пострадать.

Это были две из трех составляющих моего гедонизма.

Мне удалось собрать эти части вместе.

Но остался один последний кусок.

Мое восхищение Казуей.

Долгое время это мешало мне правильно думать и понимать то, чему он меня учил.

Мое восхищение, моя вина, все это было связано, и все это вернулось к Казуе.

Я боготворил его до такой степени, что даже не мог смотреть на него, вспоминать его.

Неужели Казуя действительно этого хотел?

Я посмотрел на него, лежащего на его кровати, и изо всех сил попытался снять линзу, через которую я всегда смотрел на него, перспективу пятнадцатилетнего Хикигаи Хачимана.

Увидев его сейчас, я понял, что он выглядел невероятно одиноким.

Он страдает здесь один год, не так ли?

Даже до этого, когда мы были вместе, действительно ли я был ему другом?

Задав себе этот вопрос, я был удивлен, что честный ответ был положительным.

Возможно, я не был всем, чем должен был быть. Но я старался изо всех сил. Я мог потерпеть неудачу. Но я был и всегда буду его другом.

Так же, как он всегда будет со мной.

И вот тогда последняя деталь встала на свои места.

Мое восхищение не было ошибкой. Да, конечно, восхищение может нас ослепить. Заставьте нас увидеть то, чего нет. Но, оглядываясь назад, на все, что он для меня сделал, все, что я чувствовал: все это не было ошибкой. Ничего из этого не было подделкой.

Но я не мог вечно жить с таким же мышлением.

Как бы я ни хотел, в тот месяц, в то время, когда мы были вместе, это не вернется.

Казуя сделал все возможное, чтобы я мог двигаться вперед.

Я понял, что он действительно имел в виду именно это.

Его не волновало, как я определяю гедонизм. Черт возьми, Казуя никогда особо не заботился об определениях и семантике.

Идеалы не спасают людей.

Люди спасают людей.

Гедонизм меня не спас. Казуя спас.

Его настоящий вопрос был прост.

«Каким мужчиной ты выберешь быть, Хикигая?»

Я закрыл глаза и вспомнил тот месяц, когда меня отвергла Оримото.

Я был зол на мир.

Казуе было бы легко принять эту горечь и ярость и превратить меня в засранца.

Но этого не произошло.

Нет, я был счастлив, когда помогал людям.

Казуя научил меня полной противоположности апатии.

Много лет спустя я узнал, что он сам был жертвой апатии и безразличия.

Брошенный отцом, который не мог его принять. Это привело к самоубийству его матери. И один, без друзей, Казуя имел полное право ненавидеть мир.

Ему было бы легко пригласить меня в ту же жизнь.

Чтобы познакомить меня с наркотиками, воровством или тем же безразличием, которому мир научил его.

Но он этого не сделал.

Как я уже сказал, в тот момент в больничной палате я ничего из этого не знал о прошлом Казуи. Обо всем этом я узнал позже.

Но даже в этом случае, урок, настоящий урок.

Это было во мне.

Это была причина, по которой я был счастлив, когда помогал другим, и поэтому я всегда продолжал это делать, даже когда мне было больно.

Я просто не знал, что это был за урок.

Но теперь я знал это.

Я посмотрел на Казую, и на этот раз я смог встретиться с ним взглядом, когда давал ему свой ответ.

«В самый худший момент в моей жизни я почти отказался от этого. Но в тот момент, когда мне это было нужно больше всего, кто-то был рядом со мной. Я мог бы ненавидеть мир. Сделать с ним то же самое, что и он со мной. Но кто-то научил меня лучше. Когда я нуждался в этом больше всего, он был другом. Мне потребовалось время, чтобы понять, чему он пытался меня научить, но я наконец понял».

Казуя POV

Я посмотрел на Хикигаю, когда он дал мне свой ответ.

В его глазах была сила, которой я раньше не видел, и, увидев ее, я понял, что он наконец-то вырос.

«В самый худший момент в моей жизни я почти отказался от этого. Но в тот момент, когда мне это было нужно больше всего, кто-то был рядом со мной. Я мог бы возненавидеть мир. Сделать с ним то же самое, что и он со мной. Но кто-то научил меня быть лучше. Когда я нуждался в этом больше всего, он был другом. Мне потребовалось время, чтобы понять, чему он пытался меня научить, но я наконец понял».

Я ждал, затаив дыхание, когда он это скажет. Чтобы узнать, что он от всего этого отнял, каким человеком он выбрал бы быть.

Он не дрогнул, когда сказал это.

«Все, чем мир не стал для нас с тобой, я буду этим для мира».

Мои глаза расширились.

Вы прошли долгий путь. Отсюда я знаю, что с остальным вы справитесь сами.

Я позволил себе немного улыбнуться.

«Хм. Думаю, ты прошел тест, да? Достаточно долго. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Теперь, когда я знаю, что ты можешь позаботиться о себе, я могу сказать тебе: не чувствуй себя виноватым ни в чем, что произошло. Я выбрал свой собственный путь. Меня никто не заставлял. Ни ты, ни кто-либо другой».

Это было оно.

Моя жизнь приближалась к концу.

Если Хикигая останется здесь до конца, это принесет ему больше вреда, чем пользы.

Кроме того, я чертовски ненавижу людей, которые плачут вокруг меня, и ненавижу долгие прощания. Я обязательно скажу все, что мне нужно сказать, прямо здесь и сейчас.

«Хикигая... Я хочу, чтобы ты знал. Тот месяц, который мы провели, и этот один день... это были лучшие времена в моей жизни. Это была адская поездка, приятель, и я бы не променял ничего из этого на мир. А теперь иди, убирайся отсюда. Я уже опаздываю на ужин».

Его глаза расширяются.

«Казуя... могу я прийти еще раз?».

Мне приятно это слышать, но я не могу этого допустить.

Я покачал головой. Думаю, теперь я могу быть честным.

«Нет. Я не долго в этом мире. Я хотел увидеть тебя в последний раз. У меня не осталось незавершенных дел. А что касается тебя, я знаю, что ты хочешь быть здесь. Но ты уже сделал для меня больше, чем ты думаешь. С этого момента двигайся вперед и живи полной жизнью».

Это последний раз, когда я его вижу. Я хочу передать все, что это значило для меня.

И он это понимает.

Он плачет, но это нормально. Лучше сейчас поплакать, покончить с этим и двигаться дальше.

Кроме того, нет ничего плохого в том, чтобы плакать.

«Казуя... спасибо. За все».

Я качаю головой.

«Нет, спасибо тебе».

На мгновение он молчит.

«Прощай, Казуя».

Он встает, чтобы уйти.

Что-то в этой картине не так.

У рассказов должен быть счастливый конец. Я не могу закончить на этой ноте.

Я кричу, когда он собирается выйти из комнаты.

«Хикигая!».

Я протягиваю кулак.

Не оставляй меня висеть, брат.

Получив сообщение, он протягивает свой собственный и натывается на мой кулак.

«Давай, малыш. Стань крутым».

Камисиро Казуя умер несколько дней спустя. Он мирно скончался во сне. Сделав предварительные приготовления, он был похоронен вдали от предков по отцовской линии, рядом с матерью. Небольшое состояние, которое он накопил за счет продажи украденных товаров, было передано на благотворительность по созданным им каналам. Выбранной организацией был детский дом.

<http://tl.rulate.ru/book/48176/1210055>